УДК 94(470.55)"1924/1987":394.2 DOI: 10.14529/ssh260403

# ОТВЕТНЫЙ ДАР В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОКТЯБРЕ: ЭКОНОМИКА ПРАЗДНИЧНОГО ОБМЕНА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ, 1924–1987 гг.

***М. А. Колесников***

*Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

Актуальность исследования определяется тем, что модель советского праздника как системы обмена дарами (Дж. Брукс, восходящая к М. Моссу) построена на материале центральной печати и не проверялась на уровне региональной хозяйственной практики. Цель статьи – верифицировать эту модель на материале Челябинской области и выявить ее региональные поправки. Материалами послужили документы Челябинского обкома ВКП(б) и городских органов 1924–1961 гг. (планы, постановления, сметы, разнарядки), хранящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области и архиве г. Троицка, а также юбилейные номера газеты «Челябинский рабочий» 1927–1987 гг. (сплошная роспись). В рамках исследования применены сравнительно-диахронный метод и критический анализ лексики источников. В результате установлено, что в провинции экономика дара документируется прямо, в формулах «производственных подарков матери-Родине», сметах и обязательствах. Показано, что в 1927 г. обмен был двусторонним и адресным, с середины 1930-х гг. встречный поток стал обязательным и планово исчисленным. Наблюдается, что в 1946 г. праздничные дни превращались в повинность («дни красных обозов»). К 1957–1961 гг. адресатом дара становится городской житель, а к 1987 г. единицей счета приношения оказываются договорные поставки и самофинансирование.

**Ключевые слова:** советские праздники, годовщина Октябрьской революции, экономика дара, Челябинская область, социалистическое соревнование, праздничная торговля, история повседневности.

**Введение**

Среди объяснительных моделей советского праздника особое место занимает та, что описывает его как систему обмена. Дж. Брукс предложил читать сталинскую праздничную культуру через моссовскую логику дара: вождь одаряет народ счастьем, изобилием и самой возможностью труда, народ отвечает благодарностью и сверхплановой продукцией, а публичная культура превращается в непрерывный обмен приношениями [1; 2, p. 83–84]. Модель обладает высокой объяснительной силой, но построена на материале центральной печати, то есть на риторике, а не на хозяйственной практике, и уже поэтому нуждается в проверке там, где приношения действительно производились.

Индустриальная Челябинская область дает для такой проверки почти лабораторные условия. Настоящая статья прослеживает праздничный обмен на южноуральском материале от первых сохранившихся смет 1924 г. до перестроечного юбилея 1987 г. Основной тезис состоит в том, что в провинции экономика дара документируется не косвенно, а прямо, в разнарядках, сметах и обязательствах, и что материал заставляет внести в модель две существенные поправки, касающиеся ранней двусторонности обмена и его позднейшего превращения в повинность.

**Обзор литературы**

Культурно-историческое направление, сложившееся с конца 1980-х гг., перенесло центр тяжести с функции ритуала на его производство. Например, Дж. фон Гельдерн описал раннесоветские праздники и празднества как поле художественного эксперимента [3], затем Ш. Плаггенборг вписал их в более обширную перестройку культурных ориентиров между революцией и сталинизмом [4], а Э. Кустова показала политику праздника как непрерывный поиск адекватных форм массового зрелища [5].

Можно говорить, что в современной историографии есть неявная полемика. При этом полемизирующие стороны явно приходят к противоположным выводам. Проходит она между М. Рольфом и К. Петроун. Рольф описывает советский массовый праздник как инструмент господства и колониального поглощения повседневности, своего рода «зеркальный зал», где власть наказывает обществу изготовленный ею образ и требует его обратно в виде подтверждения [6]. Петроун настаивает на полифоничности, сталинские торжества были не только и не просто предписанием, а еще пространством, в котором разные группы могли предъявлять и предъявляли собственные интересы. И нередко в таком официальном сценарии обнаруживались зазоры [7, p. 2–5]. Для темы настоящей статьи существенно, что обе модели описывают вертикальный поток, тогда как обмен всегда предполагает встречный.

**Методы исследования**

Теоретическую рамку исследования составляет моссовская схема дара, которую Брукс приложил к сталинской публичной культуре [1, с. 152–153, 203]. Праздник в такой оптике предполагает наличествование годового цикла взаимного приношения. Важно, что благодарность вождю не существует в категории риторической фигуры,

а является структурно необходимым и ответным движением [2, p. 83–84]. При этом, как подчеркивает Брукс, обмен был асимметричным: ответный дар никогда не покрывал долга, а благодарность лишь подтверждала его неоплатность [2, p. 84, 96]. К этому следует добавить бурдьевское понимание ритуала институционализации: главное в обряде – проведение и освящение социальной границы, причем можно предположить, что граница натурализуется тем прочнее, чем регулярнее воспроизводится [8, с. 243–244]. Порядок колонны, в котором место кодирует заслугу, является прямым приложением этого тезиса. Наконец, А. Байбурин и А. Пиир напомнили, что материальная антропология праздника, то есть праздничная торговля и дефицит, выброшенный к дате, говорит о советской праздничности не меньше, чем идеология [9, с. 248–249, 252–254].

Источниковую основу составляют документы Челябинского обкома ВКП(б) и городских органов: планы и постановления кампаний 1934 и 1935 гг. [10; 11], сметы и ассигнования на празднование 1924–1936 гг. по фондам Р-98, Р-220 и Р-274 [12–14], постановления о предоктябрьском соревновании и «днях красных обозов» 1946 г. [15], документы о соревновании 1947 и 1949 гг. [16], а также план празднования 44-й годовщины Октября, составленный городской комиссией Троицка в 1961 г. [17]. Вторую группу образует сплошная роспись октябрьских номеров «Челябинского рабочего» за 1927, 1947, 1957, 1967, 1977 и 1987 гг. [18–23].

**Результаты и дискуссия**

Юбилейная кампания 1927 г. обнаруживает раннюю, еще доканоническую форму обмена. На праздник выделяется 10 тыс. рублей «для помощи инвалидам, героям труда, для улучшения питания в больницах и в детучреждениях»; на помощь инвалидам войны и семьям погибших в Гражданскую ассигновано 1845 рублей; деревне Николаевке Варламовского района, которая «особо отличилась в гражданскую войну» и где «партизанили все жители», выделено 200 рублей «за ее заслуги», а сверх того посланы духовой оркестр и кинопередвижка [18]. Одновременно новому поселку у завода Колющенко решено дать имя 10-летия Октября, а окружкому партии рабочие завода готовятся преподнести двухкорпусный плуг собственного изготовления [18].

Существенны здесь два обстоятельства. Во-первых, праздничный бюджет работает как инструмент распределения символического долга революции: одаряются те, кто имеет к ней биографическое отношение. Во-вторых, поток двусторонен, власть одаряет заслуженных, предприятие одаряет власть изделием, причем изделие выбрано по профилю завода и потому является одновременно даром и производственной характеристикой дарителя. Именно эта симметрия исчезнет в сталинском варианте, где встречный поток станет обязательным и планово исчисленным. Отдельные сметы и ассигнования на празднование прослеживаются по фондам городских органов начиная с 1924 г. [12–14], что позволяет говорить о непрерывности бюджетной практики задолго до ее идеологического оформления.

Материалы обкома середины 1930-х гг. показывают снабженческую сторону обмена. План XVII годовщины предусматривает завоз в область 50 тыс. метров красного материала с централизованным распределением, выпуск в продажу 2 тыс. «стандартных флагов», завоз детских игрушек, музыкальных инструментов и спортинвентаря, обслуживание участников демонстрации «горячими завтраками и холодными закусками» и киносеансы «не только в закрытых помещениях, но и на площадях», с приоритетом для колхозов, закончивших хлебосдачу [10, л. 4–5]. План 1935 г. увеличивает разнарядку кумача до 70 тыс. метров, требует погасить к 5 ноября задолженность по зарплате и приурочить «фактическую выдачу в колхозах натуральных доходов по трудодням... к 6 и 7 ноября» [11, л. 17]; в ноябре 1934 г. организуется праздничный базар [14, д. 329, л. 89].

Праздник был, таким образом, днем взаимного расчета в самом буквальном смысле: город получал кумач, игрушки и горячие завтраки, колхозник получал хлеб по трудодням, а власть получала колонну благодарности, порядок которой сам кодировал иерархию заслуг. «Первые места в Октябрьской колонне демонстрации» предписано «предоставить передовым предприятиям, которые выполнят свои задания» [10, л. 9]; в 1935 г. «в передовой колонне демонстрантов идет лучшее по выполнению годового плана предприятие», а на челябинскую демонстрацию приглашаются двести лучших ударников области, в Магнитогорск сто [11, л. 31]. Это бурдьевская идея, где порядок колонны связан с «властью номинации» и распределением «преимущественных прав на церемониях» [8, с. 238–240] и одновременно «смотр достижений» Петроун [7, p. 23, 29] в буквальном, разнарядочном исполнении.

Послевоенные документы доводят логику обмена до предельной буквальности. В честь 30-летия Октября комсомольцы и молодежь Кировского завода обязались изготовить сверх плана «комсомольскую колонну в количестве 30 тракторов» к 7 ноября 1947 г., и бюро обкома предписало распространить «почин молодых кировцев», добиваясь, чтобы каждый молодой рабочий и каждая бригада встретили годовщину «производственными подарками матери-Родине» [16]. Двумя годами позже коллектив Уральского автомобильного завода имени Сталина обязался выпустить к 7 ноября 1949 г. сверх плана 550 автомашин и дать 12 млн рублей сверхплановой прибыли [24]. Дар здесь перестает быть метафорой: он исчисляется в тракторах, автомобилях и рублях, а его адресат

назван самим документом, так что моссовско-бруксовская схема подтверждается не реконструкцией, а лексиконом источника [1, с. 135, 138; 2, p. 83–84].

Газета делает эту экономику наглядной и счетной. Юбилейная полоса 1947 г. публикует прямой реестр ответного дара: «107 предприятий области досрочно выполнили годовую программу 1947 года», 41 предприятие завершило одиннадцатимесячный план, 272 завершили десятимесячный, с поименным перечислением заводов [19]. Показательна и сама рубрикация: полоса озаглавлена «Матери-Родине в честь 30-летия Великого Октября!» [19], то есть адресат дара назван газетой прямо и не нуждается в реконструкции.

Отчет о демонстрации 1947 г. разыгрывает обмен как антифон. Шествие открывают школьники, и реплики между трибуной и колонной воспроизводят логику дара с почти учебной наглядностью: «Да здравствуют советские школьники!» звучит с трибуны, «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» несется из рядов [19]. Дар вождя, то есть детство, и ответный дар, то есть благодарность, буквально разыграны как перекличка [2, p. 70, 84]. Порядок колонн при этом продолжает кодировать производственный ранг: колонну Тракторозаводского района «венчает красное полотнище с пятью орденами, которыми награжден Кировский завод» [19].

Тот же комплекс документов обнаруживает оборотную сторону праздничной экономики, для которой в столичных моделях места нет. Осенью 1946 г. бюро обкома объявляет декадник по сдаче хлеба с 26 октября по 6 ноября «в честь 29 годовщины» [25], а 4 ноября, вслед за постановлением ЦК ВКП(б), признавшим работу области по хлебозаготовкам плохой, объявляет самые праздничные дни, то есть 6, 7 и 8 ноября, «днями красных обозов». Устанавливается задание вывезти 32 тыс. тонн зерна и обмолотить 33 735 гектаров, автомашины городских предприятий сводятся в колонны по 5–10 машин во главе с руководителями предприятий и секретарями горкомов и райкомов, а уполномоченным обкома «на дни празднования 29-й годовщины» запрещается выезд из районов [15].

Приложения к постановлению переводят это в цифры: по области требовалось вывезти 17 900 тонн на живом тягле и 14 100 на автомашинах, а города отряжали в деревню на 5 ноября семьсот грузовиков, двести из Челябинска (в Каракульский и Аргаяшский районы), сто пятьдесят из Магнитогорска, восемьдесят из Копейска, по нескольку десятков из Златоуста, Миасса, Троицка, Кыштыма, Пласта, Каслей и Коркино [15]. Праздник здесь не приостанавливает труд, а мобилизует его с предельной интенсивностью: «пространство ликования» Петроун [7, p. 6, 16–17] в послевоенной деревне оборачивается транспортной операцией, а колонна демонстрантов колонной грузовиков с хлебом. Сюжет заставляет уточнить и тезис о даре: ответный дар был не только символическим приношением, но и планово исчисленной повинностью, невыполнение которой каралось.

Кампания 1957 г. обнаруживает сдвиг, который трудно описать в терминах приношения вождю. «Челябинский рабочий» помещает в предпраздничной полосе заметку «150 свадеб за неделю»: заведующая городским ЗАГСом сообщает, что «в праздник особенно много свадеб», и перечисляет пары, у которых регистрация назначена на 7 ноября [20]. Тогда же публикуется факсимиле заявления смазчика холодноштампового цеха ЧТЗ О. Чертищева: «Скоро 40-я годовщина Великой октябрьской социалистической революции, и я хочу встретить эту великую годовщину вступлением кандидатом в члены КПСС» [20]. Годовщина работает как календарный магнит, к которому притягиваются биографические переходы: брак, вступление в партию, новоселье. Праздник обретает то измерение, которое Байбурин и Пиир описывали через приватную часть (семейную) [9, с. 236], но в более сильной форме, поскольку структурирует не только вечер 7 ноября, но и жизненный путь.

Тот же номер фиксирует предметную сторону юбилея: переход цехов на семичасовой рабочий день «в обстановке большого трудового подъема, вызванного социалистическим соревнованием в честь 40-летия», газификацию квартир металлургов, сдачу 56-квартирного дома в Златоусте [20]. К сороковой годовщине дар вождю окончательно сменяется даром жителю, а «пространство ликования» Петроун [7, p. 16–17] обзаводится жилой площадью и бытовым газом.

Троицкий план 1961 г. позволяет увидеть эту фазу обмена с организационной стороны. Наряду с оформлением зданий и трибуны он предписывает горторготделу и городскому торгу представить комиссии «подробный план по организации праздничной торговли» со сроком к 23 октября, поручает заведующему отделом культуры составить план культурно-массовых мероприятий, «проводимых клубами, красными уголками в праздничные дни», и предусматривает подготовку праздничного концерта, духовой оркестр для обслуживания торжественного заседания и работу буфетов [17]. Комиссия отдельным пунктом обязуется проверить культобслуживание и «работу буфетов» на предприятиях и в учреждениях города в дни с 1 по 5 ноября [17]. Дар жителю расписан здесь по ведомствам и срокам наравне с очисткой тротуаров, и это, пожалуй, самая наглядная фиксация того, что материальная сторона праздника не была ни побочной, ни стихийной.

К пятидесятилетию Октября счет ведется одной цифрой: область отчиталась о сверхплановой продукции «на 112 миллионов рублей», а колонны предприятий шли под памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета

Министров и ВЦСПС [21]. Экономика дара оформилась в замкнутую систему знаков отличия, где ответный дар вознаграждается уже не благодарностью, а знаменем. К 1977 г. счет ведется в неделях и обязательствах: бригада мастера Н. Волкова с трубопрокатного завода «17 раз выходила победительницей в трудовом соперничестве под девизом «60-летию Октября – 60 ударных недель»» [22]. Годовщина превращается в измерительную шкалу, по которой размечается весь производственный год.

Семидесятилетие показывает, что форма рапорта переживает смену обслуживаемой ею экономической доктрины. Магнитогорск сообщает, что «свыше 13 тысяч рабочих, коллективы более 1100 бригад, смен, участков и цехов рапортовали Родине, Октябрю о выполнении заданий двух лет пятилетки»; в Златоусте отдельно отмечается, что «три предприятия работают в новых экономических условиях» и все выполнили договорные поставки на сто процентов; в Миассе на инструментальном заводе коллектив «переведен на самофинансирование» [23]. Хозрасчет, договорные обязательства и самофинансирование входят в юбилейный отчет на тех же правах, на которых в 1947 г. в него входили тонны и проценты. Приношение продолжает исчисляться, хотя единица счета меняется.

**Выводы**

Модель Брукса построена на языке центральной печати, и потому в ней всегда оставался риск принять за обмен дарами метафору, которую историк накладывает на риторику. Южноуральский материал этот риск снимает. В индустриальной области дар не приходится реконструировать: в постановлении бюро обкома сверхплановая продукция прямо названа «производственными подарками матери-Родине», а газета выносит адресата приношения в заголовок полосы. Модель подтверждается в главном, но провинция показывает ее более сложное движение, которое из центральных источников не видно.

Начинался этот обмен как симметричный и адресный. В 1927 г. власть одаряет тех, кто связан с революцией биографией, от инвалидов до партизанской деревни, на что завод отвечает ей плугом собственного изготовления. К второй половине 1930-х гг. симметрия ломается. Теперь встречный, обращенный к вождю поток становится обязательным и планово исчисленным. В 1946 г. логика дара и вовсе выворачивается наизнанку: самые праздничные дни объявлены днями красных обозов, и ответное приношение таким образом оборачивается повинностью, за невыполнение которой грозили санкции.

Адресат дара также менялся. В годы войны получателем приношения был фронт, после войны вновь вождь, как в перекличке трибуны и колонны 1947 г. К сороковой годовщине получателем стал городской житель, именно для него организована праздничная торговля, а также буфеты, культурное обслуживание, газ и жилые метры. Троицкий план 1961 г. показывает, что это было работой с исполнителями и сроками, поставленной в один ряд с рутинной работой как очистка тротуаров. Увиденный из сметы и разнарядки, советский праздник не укладывается таким образом ни в идею всемогущего канона, ни в чистую литургию. Это прежде всего хозяйство, где приношение исчислялось всегда, а менялась лишь единица счета: от тракторов и тонн хлеба к миллионам рублей сверхплановой продукции, ударным неделям и, наконец, договорным поставкам.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20086, https://rscf.ru/project/26-28-20086/.**

**Литература**

1. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр. – М. : Восточная литература, 1996. – 360 с.

2. Brooks, J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War / J. Brooks. – Princeton : Princeton University Press, 2000. – 319 p.

3. Гельдерн, Дж. фон. Праздники большевиков, 1917–1920 / Дж. фон Гельдерн ; пер. с англ. Л. Бурнашевой. – СПб. : Библиороссика, 2026. – 440 с.

4. Плаггенборг, Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Ш. Плаггенборг ; пер. с нем. – СПб. : Нева, 2000. – 416 с.

5. Кустова, Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ / Э. Кустова // Неприкосновенный запас. – 2015. – № 3 (101). – С. 57–77.

6. Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф ; пер. с нем. – М. : РОССПЭН, 2009. – 439 с.

7. Petrone, K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin / K. Petrone. – Bloomington : Indiana University Press, 2000. – 266 p.

8. Бурдье, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдье // Социология социального пространства; пер. с фр. Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – С. 220–254.

9. Байбурин, А. Счастье по праздникам / А. Байбурин, А. Пиир // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 227–258.

10. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). – Ф. П-288. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 4–5, 9.

11. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 1. – Д. 221. – Л. 17, 31.

12. ОГАЧО. – Ф. Р-98. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 76; Д. 1350. – Л. 52; Д. 1874. – Л. 42; Д. 1874б. – Л. 83, 102.

13. ОГАЧО. – Ф. Р-220. – Оп. 4. – Д. 45. – Л. 23, 89; Д. 148. – Л. 136.

14. ОГАЧО. – Ф. Р-274. – Оп. 3. – Д. 329. – Л. 89; Д. 730. – Л. 14; Д. 772. – Л. 6.

15. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 87. – Л. 79–83.

16. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 11. – Д. 70. – Л. 70–71.

17. Архив города Троицка (АГТ). – Ф. 251. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2–3.

18. Челябинский рабочий. – 1927. – 26 октября (№ 243); 29 октября (№ 246); 2 ноября (№ 249); 7 ноября (№ 252).

19. Челябинский рабочий. – 1947. – 2 ноября (№ 218); 5 ноября (№ 220/8441); 10 ноября (№ 222/8443).

20. Челябинский рабочий. – 1957. – 10 октября (№ 238); 16 октября (№ 243); 17 октября (№ 244); 5 ноября (№ 260).

21. Наш труд – Отчизне, народу: в праздничной демонстрации в Челябинске участвовало более четверти миллиона человек // Челябинский рабочий. – 1967. – 8 ноября (№ 264/14429).

22. Челябинский рабочий. – 1977. – 29 октября (№ 256/17476); 6 ноября (№ 263); 8 ноября (№ 265/17485).

23. Челябинский рабочий. – 1987. – 7 ноября; 8 ноября.

24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 13. – Д. 105. – Л. 1–2.

25. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 10. – Д. 86. – Л. 3–6.

**Колесников Михаил Алексеевич** – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kia18273645@yandex.ru. ORCID 0009-0003-9467-5753

***Поступила в редакцию 22 сентября 2026 г.***

---

**DOI: 10.14529/ssh260403**

# COUNTER-GIFT IN THE PROVINCIAL OCTOBER: THE ECONOMY OF FESTIVE EXCHANGE IN THE SOUTHERN URALS, 1924–1987

***M. A. Kolesnikov***

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

The relevance of the study stems from the fact that the model of the Soviet festival as a system of gift exchange (J. Brooks, drawing on M. Mauss) was built on central press material and has not been tested against regional economic practice. The aim of the article is to verify this model on the material of Chelyabinsk Region and to identify its regional corrections. The sources include documents of the Chelyabinsk regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and city bodies of 1924–1961 (plans, resolutions, budget estimates, allocation orders) held in the United State Archive of Chelyabinsk Region and the Troitsk city archive, as well as a continuous survey of the anniversary issues of the newspaper “Chelyabinskiy rabochiy” for 1927–1987; comparative diachronic analysis and critical analysis of source vocabulary are applied. The results show that in the province the gift economy is documented directly, in formulas of “production gifts to the Motherland”, budget estimates and pledges. In 1927 the exchange was reciprocal and targeted; from the mid-1930s the counter-flow became obligatory and planned; in 1946 the holiday itself turned into a duty (“red convoy days”). By 1957–1961 the urban resident became the addressee of the gift, and by 1987 contract deliveries and self-financing became the unit of account.

**Keywords:** Soviet festivals, anniversary of the October Revolution, gift economy, Chelyabinsk Region, socialist competition, festive trade, history of everyday life.

**References**

1. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost: trudy po sotsialnoy antropologii [Societies. Exchange. Personality: Works on Social Anthropology]. Moscow: East literature, 1996. 360 p.

2. Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. 319 p.

3. Geldern Dzh. fon. Prazdniki bolshevikov, 1917–1920 [Bolshevik Festivals, 1917–1920]. Saint Petersburg: Bibliorossika, 2026. 440 p.

4. Plaggenborg Sh. Revolyutsiya i kultura: kulturnye orientiry v period mezhdu Oktyabrskoy revolyutsiey i epokhoy stalinizma [Revolution and Culture: Cultural Orientations between the October Revolution and the Stalinist Era]. Saint Petersburg: Neva, 2000. 416 p.

5. Kustova E. Sovetskiy prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishch [The Soviet Holiday of the 1920s in Search of Masses and Spectacles] // *Neprikosnovennyy zapas*. 2015. № 3 (101). P. 57–77.

6. Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet Mass Festivals]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 439 p.

7. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2000. 266 p.

8. Burde P. Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya [The Spirit of the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field] // *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva*. Moscow: Institute experimental sociology; Saint Petersburg: Aleteyya, 2007, P. 220–254.

9. Bayburin A., Piir A. Schaste po prazdnikam [Happiness on Holidays] // *Antropologicheskiy forum*. 2008. № 8. P. 227–258.

10. Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. P-288. Op. 1. D. 43. L. 4–5, 9.

11. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 1. D. 221. L. 17, 31.

12. OGACHO [USACR]. F. R-98. Op. 1. D. 150, 1350, 1874, 1874b.

13. OGACHO [USACR]. F. R-220. Op. 4. D. 45, 148.

14. OGACHO [USACR]. F. R-274. Op. 3. D. 329, 730, 772.

15. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 87.

16. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 11. D. 70.

17. Arkhiv goroda Troitska (AGT) [Archive of the City of Troitsk (ACT)]. F. 251. Op. 1. D. 4.

18. Chelyabinskiy rabochiy. 1927. 26 October. 29 October. 2 November. 7 November.

19. Chelyabinskiy rabochiy. 1947. 2 November. 5 November. 10 November.

20. Chelyabinskiy rabochiy. 1957. 10 October. 16 October. 17 October. 5 November.

21. Nash trud – Otchizne, narodu [Our Labour to the Fatherland and the People]. Chelyabinskiy rabochiy. 1967. 8 November.

22. Chelyabinskiy rabochiy. 1977. 29 October. 6 November. 8 November.

23. Chelyabinskiy rabochiy. 1987. 7 November. 8 November.

24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 13. D. 105.

25. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 10. D. 86.

**Mikhail A. Kolesnikov** – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kia18273645@yandex.ru

***Received September 22, 2026***

**ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ**

Колесников, М. А. Ответный дар в провинциальном Октябре: экономика праздничного обмена на Южном Урале, 1924–1987 гг. / М. А. Колесников // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 4. – С. 25–30. DOI: 10.14529/ssh260403

**FOR CITATION**

Kolesnikov M. A. Counter-gift in the provincial October: the economy of festive exchange in the Southern Urals, 1924–1987. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 25–30. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260403